

Глава 1,

*в которой в определенной мере достигается
взаимопонимание*

Долго мучилась царица, но на третий день родила она дитя — девочку, с кожей белой, что снег, с волосом черным, будто уголь. С глазами синими-синими. Глянула в них царица и вдох последний испустила.

Сказка о заклятой царевне

— Это совершенно невозможно, — веско заявил посол Ладхема и поклонился.

Низко так. Словно этим поклоном извиняясь за то, что перечит многоуважаемому Повелителю тьмы.

— Там не место людям, — устало произнес Ричард.

А я подумала, что надо не уговаривать, а как-нибудь иначе... скажем, позвать всех на ужин торжественный... Похищение невест — тоже повод. Главное, чтоб вместе. А там усыпить. Или запереть.

А лучше сперва усыпить, а потом запереть. Но так, чтоб не совсем, чтоб потом уже, когда проснутся, выбрались. Мало ли как оно.

Главное, что всяко надежнее, чем с уговорами.

— И это я осознаю. — Голос посла звучал печально, да и вид у него был такой, что прямо жаль стало человека. Он ведь не самоубийца, пусть и рвется изо всех сил к подвигу. — Но что я скажу моему господину? Что трусливо остался в замке в тот миг, когда дочери его нуждались во мне? В моих людях?

Тихо стало.

Вот нервирует меня эта тишина. И люди, преисполнившиеся некой мрачной торжественности. Шкурой чувствую грядущие приключения, и это чувство мне категорически не нравится.

Я поерзала на стульчике.

— Он правду говорит, — вступил вироссец, бороду оглаживая. — Государь не одобрит, ежели я брошу ее высочество. Государь сестру любит. Да и негоже это, сиднем сидеть, когда от такое вот. — И руки развел, показывая это самое «такое».

Степняк склонил голову, пальцы его скользнули по плети.

— Теттенике — сестра моя. И сердце мое обливается кровью от мысли, что я не уберег ее от беды. Я уговорил отца послать ее, дать свободу. И мне нести ответ. Перед ним. И перед собой. А потому, многоуважаемый... — Это было сказано с легким раздражением, мол, какое тут уважение, когда обещали безопасность, а получилось — что получилось. — Даже если ты не возьмешь нас и не укажешь путь к городу, я пойду его искать сам.

Он огляделся, и узкие глаза блеснули.

— Мы с тобой, — прогудел северянин, до того молчаливый. — Может, мы никому ничего не обещали. Но на Островах своих не бросают.

Ну вот и спасательная экспедиция самоорганизовалась. Осталось понять, что делать со всею этой толпой.

Я поглядела на Ричарда и тихо сказала:

— Я тоже иду.

— Нет.

— Иду. — Осторожно взяла его за руку. — Что бы там ни было, но... лучше уж там быть, чем ждать.

— Это Мертвый город, — нарушил молчание Ксандр. — Там таким, как мы, сложно.

— В каком смысле?

Руку я не выпустила.

И... и может, сейчас пожениться? Он ведь предлагал. А я, дура, промолчала. И теперь сижу, кусаю губы, потому что... потому что, и вправду, как знать, что там, в будущем?

Мы все умрем? Или я вырву чье-то сердце? Даже думать об этом страшно. А еще шепчет голос здравого смысла, что от меня в походе грядущем никакой пользы, вред один. Я еще в прошлом мире походы не больно-то жаловала, даже те, которые рядом с городом. Лес там, речка. Кочки, корни и вездесущие муравьи. А тут что? Вместо муравьев нежить разнообразная?

И перспектива свихнуться, не справившись с демонической кровью.

Может, действительно остаться? Сяду у окошка. Одолжу там в каком посольстве — не полным же составом они спасать попрутся — вышивку и займусь подобающим прекрасной даме делом. Буду иголкой в ткань тыкать и размышлять о высоком, время от времени слезу роняя.

Чушь какая...

Нет, здесь, в Замке, я раньше свихнусь. От неопределенности. От ожидания. От страха. И не только за Ричарда. Они ведь все... Ксандр, который снова вроде бы в стороне держится. И смотрит на Ричарда с такой нечеловеческой тоской, что... Просто слов нет.

Лассар мрачен. И молчит.

Легионеры... Я их не знаю. Они все одинаковы, словно отражения друг друга. А может, и вправду отражения. Кто этот мир поймет. Но они, хоть и мертвые, все равно живые. Они ведь тоже могут не вернуться.

— Мертвый город, — голос Лассара наполняет обеденную залу, — полон тьмы. И пусть даже Младший бог или что там... заперт, но тьма первозданная жива. И она зовет. Всех, в ком есть.

— И тебя? — хмуро поинтересовался степняк.

— И меня. Их... — Обвел легионеров рукой. — Она... у нее множество лиц. И голосов. Там, за чертой, легко поверить, что твои мечты, твои желания сбудутся. Она каждому пообещает то тайное, что скрывается в душе.

— А тебе? — не удержался Светозарный, сжимая древний меч. — Что она обещает тебе?

— Покой. — Лассар взгляда не отвел. — И мне, и всем им... Если бы ты знал, мальчик, до чего утомительна вечная жизнь.

— Так! — Ричард вскинул руки. — Этак мы точно никуда не выйдем. Ксандр, карты носи. Стол... — Стол нести не пришлось. Он был, причем достаточно большой. — Впрочем, нужно оставить людей в замке.

Теперь он изменился, исчезла эта его обычная неуверенность, и... И я любовалась им.

Повелитель? Может, и так. Но не в этом дело. Титул — это одно, а суть — другое.

— Из того, что сюда проник сайрин... и не только... — Ричард бросил быстрый взгляд на меня, — делаю вывод, что защита Замка давно перестала быть непреодолимой. Скорее всего, дело именно в зеркалах. И в этих... проходах.

— Порталах, — подсказала я.

— Порталах. Пускай. Так вот, возможно, ритуал, начавшись когда-то, действительно запустил... создал проходы на изнанку мира. Я не ученый, не знаю, — Ричард принял тубу с картой, — но вряд ли эти порталы были стабильны. Скорее уж они существовали на грани. А потом...

Потом что-то случилось.

— Анна. И ее договор с демоном, — подсказал Лассар. — Добровольный. Она должна была отдать часть души, ту, что еще позволяла ей оставаться человеком. А это сила. Капля, но как есть. И порталы начали оживать. Потом жертва... огромная жертва, но не та, на которую рассчитывал демон. Несиар сумел воспользоваться порталом. И покинул долину.

— И система ожила, — добавила я и поспешно втянула голову в плечи.

Уж очень нехорошо все посмотрели. А Светозарный и во все меч оглаживает, презадумчиво так, превыразительно.

У меня прямо мурашки по хвосту побежали.

— Ожила...

— Только криво. — Я поерзала и постаралась сделать вид, что не вижу ничего вот этого, ни взглядов, ни поглаживаний. — Потому что сразу ровно такое точно не заработает, а уж спустя тысячелетия... И вообще вот так вот... Тварь, душница, спряталась там, на изнанке. И потерялась. Но потом нашла...

— Мою мать.

— Именно. И уже твоя мать добавила ей сил. Те смерти, силы куда-то ведь уходили? И если система порталов, получая силу, стабилизировалась, то, возможно, эти порталы куда-то открывались. И где-то появлялись проходы, — я махнула рукой, — в горах. А там твари... Твари проваливались и оказывались внутри Замка. Только вряд ли их было много.

— Да и душница должна была что-то есть, — протянул Лассар.

— У нежити нет души. — Светозарный руку с меча все-таки убрал.

— У нежити — нет, но не все твари в полной мере являются нежитью. — Вернувшийся Ксандр выложил на стол длинные тубы. — Многие по сути те же животные, только измененные тьмой. А стало быть, пусть и не полноценные

души, но какая-никакая сила в них имеется. Сайрин и во все близок к человеку.

Всех передернуло.

А я подумала, что в здешнем мире эволюционистам придется сложно.

— Как бы то ни было, будем считать, — мой голос звучал отвратительно бодро, — что тварь взяла и научилась как-то открывать порталы. Проходы? Главное, она открыла их для... — Слово «невеста» застряло в горле.

И злость накатила. Не они невесты! Они тут... по недоумению! И вообще...

— Их высочество, — вставил ладхемский посол. — Что ж, пусть мы не столь хорошо знакомы с магией, но теория выглядит вполне правдоподобной.

Вироссец склонил голову, показывая, что полностью согласен с коллегой.

— Осталось понять, куда их выбросило, потому что...

И снова молчание.

Взрослые люди. Суровые. Опытные. Иных бы не послали. Но и они боятся сказать вслух то, что вертится на языке у каждого. Будто, облеченное в слова, оно вдруг сбудется.

И демоница пожалеет несчастных принцесс. Или...

— Мертвый город. — Ксандр вытряхнул из тубы желтый свиток, даже с виду хрупкий. — Больше некуда. Если порталы куда и открываются, так туда... только там еще осталось подобного рода... тварь.

Пальцы потянули за тонкую ткань.

Пергамент? Бумагу? Чем бы это ни было, оно оказалось довольно длинным.

— Будьте добры. — Ксандр протянул край Светозарному, и тот прижал его пальцем. — Это самая древняя из карт. По преданию, ее рисовал Ричард I, но не уверен, что это и в самом деле так.

— Аснот. — Командор прижал другую сторону карты. — Хороший мальчишка. Толковый. Воин из него, правда, никакой, но с картами он ловко управлялся.

Желтизна была неравномерной, где-то ткань — или все-таки пергамент? — светлела почти до идеальной белизны, где-то, напротив, становилась столь темной, что и линий-то не различить.

Люди потянулись к столу и обступили его.

Я же, протиснувшись меж двумя ладхемцами, прижалась к Ричарду.

Город...

Никогда не любила чертежи.

— Окраины он еще толково сделал, но центр пришлось рисовать вместе с Ричардом. И мной. По памяти. А что там теперь на самом деле, как знать.

Дворец. Белый-белый, прекрасный, как сказка. А в нем комната.

Откуда я это знаю? Не помню. Не... не знаю, но знаю. Так. Сейчас сама запутаюсь.

— Дорога идет сюда, — палец Лассара скользнул по нити, что пробивалась меж скал, — но мост через озеро разрушен. Я сам перебивал опоры.

А озеро я только теперь и увидела.

— Озеро? — удивился вироссец.

— Не совсем чтобы озеро. — Лассар поморщился. — Некогда город стоял на берегу. И порт имелся. Самый большой в империи, а стало быть, и в мире. Но и его было мало. Так что появился проект.

Он постучал закованным в броню пальцем по карте.

— Порвешь, — буркнул Ксандр не слишком довольный.

— Зачарованная... Так вот. При моем отце поставили дамбы. Северную и южную. Часть земель затопили, предвзвительно что-то там сделали. Демоны.

Само собой. Кому еще работать на стройке.

Почему-то демонов было жаль. Может, они и кровожадные твари, но так и люди не лучше.

— Северная стала продолжением порта. А вот с юга устроили цепь озер. Или как оно называется. Там император отдыхать любил.

— А потом...

— Потом, когда все это случилось, горы отрезали город от моря. А вода осталась. Затопило часть кварталов, ну и вышло озеро. Оно огибает город с юга, потом тянется... — Палец скользил по карте, вырисовывая что-то, явно понятное мужчинам. Вон, переглядываются, кивают. — Раньше там водилась рыба.

— А теперь?

— Теперь чего только не водится... Но если взять левее, сюда вот, здесь остатки дамбы. И по ним можно пройти.

Непросто, но можно. Охотники, как правило, выбирают этот путь.

— Другие?..

— Лодки. Плоты. Один идиот вплавь решил... спасти не успели.

Да и не очень старались, чувствую.

— Насколько это опасно? — осторожно поинтересовался ладхемец. — В смысле к чему нам готовиться?

— Сама дорога в принципе безопасна. — Ричард склонился над картой, и я видела лишь его светлую макушку. — Крупных тварей давно уже вычистили. Да и тьма... Она все-таки разрушается. Очень медленно, но разрушается. Если изначально она накрывала всю долину, то уже через двести лет пятно уменьшилось. И продолжало уменьшаться год от года.

— В прошлом году и пшеница взошла, — подал голос Ксандр. — Правда, урожай слабый, но все же был.

— Твари или отступали следом за тьмой, или погибали. Теперь если что-то и осталось, то в городе. Да, за ним приглядывают. И за дорогой. — Ричард повернул карту. — Проблема в другом... Путь займет несколько дней. — Сказал и замолчал.

И Ксандр не спешил. И все-то тоже молчали, обдумывая сказанное. Несколько дней — это много.

Слишком много. Этого хватит, чтобы умереть. Им. Там. И пусть моя демоническая часть не имеет ничего против — она бы вовсе никого не стала спасать, — но я же человек.

Все еще человек. И хочу им остаться.

— Другие... — севшим голосом сказал вироссец, — варианты?

— Лошадей довольно. — Степняк уставился на карту. — Степные жеребцы выносливы, они могут долго бежать.

— Дорога старая, — покачал головой Ксандр, — камни, выбоины. Завалы местами. Там не так много участков, на которых можно пустить лошадь галопом. А если лес, то... тоже.

— А если... — Палец островитянина ткнул куда-то в карту. Я по-прежнему в ней ничего не понимала. Бумага. Линии. Квадратики, треугольники. Снова линии, знаки какие-то. — Если морем? Тут вот пройти... к вечеру управимся. На весла сядем.

— Небезопасно. — Лассар обошел стол, будто с другой стороны карта была иной. — Когда-то бухта была просторной и удобной, но... Горы поднялись. Там скалы и рифы. Течения. Не говорю уж о тварях.

— Пройдем. Посадка неглубокая, а твари... как-нибудь да управимся.

Прозвучало не слишком вдохновляюще.

А я подумала, что на корабль не хочу. У меня морская болезнь. И вообще, я плавать не умею!

— Зато быстрее будет. Тут идти всего ничего, ежели морем. Потом... вот проход, сохранился?

— Понятия не имею...

Я попятилась.

Тихонько так.

— Если что, можно к берегу...

— А если разделиться? Часть по дороге...

— ...Не самый разумный вариант. По частям перебить легче.

— ...Все не влезем. Если люди, еще ладно, а вот верховые...

— ...Все-таки надо разделяться, потому как...

Я слушала обрывки разговоров, понимая, что здесь и сейчас ничем не могу помочь. И чувство беспомощности было острым. И не отпускала мысль, что я лишняя. Среди этих людей. И вообще...

Выбравшись из толпы, я остановилась, ожидая, обратит ли кто внимание. Наверное, это было эгоистично, но мне безумно хотелось, чтобы Ричард почувствовал. Обернулся. Спросил, куда это я. Чтобы... чтобы приказал остаться и не отходить от него ни на шаг. А я бы, возможно, даже обиделась. Но подчинилась бы. Это ведь правильно, не отходить ни на шаг от человека, которого любишь.

Без которого не можешь жить.

А я... я разве так?

Не знаю.

Но он не заметил. О чем-то увлеченно беседовал то ли с ладхемцами, то ли с вироссцами. Или со всеми сразу. Я слышала голоса, могла бы услышать и о чем они говорят, все эти люди. А вместо этого просто стояла. Смотрела.

И, когда надоело, вышла из залы. Прислонилась спиной к стене. Закрыла глаза. Что мне делать? И как не сделать глупость, о которой буду жалеть?

А ведь сделаю. Всенепременно сделаю.

Глава 2,

*где готовится спасательная экспедиция
и выясняются отношения*

А на третий день поднялся ветер. Гнул он мачты, срывал паруса. И море поднималось, одна волна другой выше. Разверзлась пучина. И закричали люди, что, мол, виной тому — ведьма, что пробралась на корабль тайно. Да всякому известно, что море не терпит обмана. Тогда-то и вытащили они пассажиров, и раздели их...

Сказка о проклятом корабле и морской ведьме

Дэр Гроббе, услышав, что от него потребуется, провел ладонью по отросшей щетине и улыбнулся. Так счастливо, что прямо не по себе сделалось. Ричарду.

Нормальные люди не должны так улыбаться, услышав весьма сомнительного свойства предложение.

— Стало быть, фрахт? — уточнил дэр Гроббе преласково. — К Проклятому городу пойдём? Морем? Через Мертвую бухту? И под Призрачными воротами?

— Ну... примерно так.

— Туда, откуда ни один корабль еще не вернулся?

Ричард вздохнул и, потупившись, подтвердил:

— Да.

— Знаешь... а мне ведь гадалка еще когда предсказала, что своей смертью я не помру.

— Нам нужен корабль.

— Так я же ж что, против?

Дэр Гроббе вытянул руку и свистнул. Спустя мгновение на запястье рухнул попугай.

— Задница! — возвестил он хриплым надсаженным голосом. — Твою душу в акулю мать!

— Тихо. — Дэр Гроббе почесал клюв, и попугай застыл, прикрыв глаза. — Стало быть... я-то и вправду... Оно-то хорошо, мирная жизнь. Да вот тут что-то свербит. — Он стукнул кулаком по груди. — Нейметса. Матушка моя покойная все повторять любила, что горбатого только могила... А такого... Обо мне всяко говорили, все больше матерно. — Сказано это было печально, даже мечтательно. — Да и жизнь у меня была... да... Еще когда к твоему батюшке шел, думал, вот оно, конец. Сожрет проклятый душу и не подавится.

— Сволочь, — поддержал попугай.

— Да только куда еще нам было податься? Накуролесили, да... Свои бы сдали, вот и вышло, что вышло. А он принял. Только сказал, что, ежели бузить станем, сам акулам скормит. И ведь скормил бы. Серьезный мужик...

— Как вы с ним познакомились? — Ричард указал на кресло. — Садись.

— Обыкновенно... Заказывал один человечек через нас всякое. Не подумай. Шелка вот. И камни драгоценные. Купцов сопровождать, чтоб, стало быть, не сбегли куда. И чтобы со всем почтением. Мастеров всяких... Мебельщиков. Или вот цветочных. Думаешь, откуда-то я всякой этой хрени хватался? В море-то частенько тоскливо, вот и начинаешь беседы вести с умными людьми. Про обои. Про ткани, какие для мебели годятся, а какие нет. Про моды и прочее. — Ричард, честно говоря, в принципе над подобным не задумывался. — Для матушки твоей, как оно после выяснилось, да. Я-то работал, пока совсем горячо не сделалось. Дружки старые, дела... море за бортом горело. Ну и кинулся туда, где, может, и не убьют. Не убили.

— Я тебя почти не помню.

— Так ты того... болел много.

— И этого не помню, — признался Ричард.

Только щека дернулась. Это неправда. То, что сказала тварь, не могло быть правдой. Он никого не убивал. Он...

— Я помню. — Дэр Гроббе потер подбородок. — Ты уж извини, что я так. Твой отец не отличался разговорчивостью. И в замке никого не привечал. Сперва-то да, иначе все было. А потом переменялось. Не сразу, нет... В море же ж как? Ушел. И добре, ежели за месяц-другой обернулся. Случалось и дольше. Вот ты там живешь, а прочие все — туточки. Да и в целом дело мое маленькое было. Привезть. Увезть. Встретить. Приветить. Проследить, чтоб не нагтели, обворовываючи. Ну а тут... я в Замке-то бывал, но дальше двора не пускали. Потом и того не стало. Уже после, стало быть, как матушку твою похоронили, так он совсем затворником сделался. Оно и понятно, любил ее крепко.

Не знает.

И, наверное, хорошо, что не знает.

— Ну а потом... Твой отец призывал, я являлся. Не скажу, что стремился сюда. Тут было как-то... нехорошо, что ли?